Передо мной появилось нечто трансцендентное — актер, страж, который охранял другой мир...

Глаза актеров похожи на глаза инопланетян. Свежи, живы, в них смесь приподнятого настроения, страдания и страха.

— Мы же не видим, что мы вам играем, напишите о нас статью. Господи, много ли надо актеру, этому вестнику иных миров: зарплатку да аплодисменты — хорошую статью в хорошей газете...

Сатира в стиле «Джаз»

Глаза зрителей тоже похожи на глаза инопланетян: свежи, живы, в них смесь приподнятого настроения, страдания и страха. А на поверхности пляшут современные шутки: «Такие люди — и без охраны!» «Это поет Рашид Бейбутов? Нет, это поет Василий Козин, я это знаю, потому что Козин подарил мне значок». «Откуда ты знаешь, что был такой писатель Чехов? — Да ниоткуда я это не знаю, в газете прочитал.»

Ну и как при такой несерьезной публике ставить серьезный «Вишневый сад»?

— А кто вам сказал, что «Вишневый сад» — это серьезно? Это — миф.

— «Вишневый сад» — это комедия, Чехов сказал.

— Вся Россия — «Вишневый сад», Чехов сказал.

«Господа, вишневый сад продан. И знаете, кто его купил? Я купил вишневый сад, — бормочет бредущий по зрительному залу алкоголик, бомж, обитатель свалок. Он влачит за собой авоську, набитую пустыми бутылками, почесывается, ощупывает заплаты на ветхой одежде.

«Не верите? Я купил вишневый сад», — заявляет любимый нами резко сатирический актер Александр Анкудинов, и зрители понимают: на сцене будет сатира.

Ну что ж, это справедливо. Ведь магнитогорский театр куклы и актера «Буратино» всегда был сатирическим театром. Человек от природы наделен способностью к симбиозу. И в театре актер может стать куклой, а кукла становится активной, как могучий актер.

Нас отделяют от времени Чехова сто лет. Сто лет идет «Вишневый сад» то в Норвегии, то в Японии, то в Италии, то в Африке, то в США, то в Израиле. Чехов — самый интернациональный русский писатель двадцатого века. Режиссеры всего мира ищут художественные средства для воплощения «Вишневого сада», и поток выразительных деталей не иссякает. Молодой петербуржский режиссер Игорь Ларин предложил свою версию «Вишневого сада» для магнитогорского театра «Буратино». Я перечислю несколько сквозных выразительных средств, которые как будто ранее не использовались для постановки «Вишневого сада» и поэтому шокировали зрителей.

1. Спектакль начинается и заканчивается джазом. Звучит песнопение Луи Армстронга «Сойди, Моисей.» Совмещается ли это с Чеховым? Для меня совмещается. В этом году исполняется столетие джаза. Любовь Андреевна Раневская — главная героиня «Вишневого сада» — приехала из Парижа, и томительный, прихрамывающий в синкопе рэгтайм вполне мог быть в культурном слое, напоминающем ей парижские кафе.

2. Использовано в спектакле и пространство, завоеванное в начале века кинематографом, — «великий немой» тоже празднует свое столетие, и его штрихи привнесены в эстетику актерской игры. Раневскую, чем-то напоминающую актрису Веру Холодную, осторожно играет заслуженная артистка России Людмила Бреслер (Клюкина). Людмила играет свою Раневскую как некую душу, созданную многовековой культурой. Она — само доверие людям культуры, которых уже нет, которые уже погибли, но она надеется и ждет: ведь для Раневской человек явление хотя и грешное, но божественное. Это доверие красоты безобразию.

3. Присутствует в стиле спектакля и культурный слой, называемый «Балаганчик», как он отразился в начале века в петербургской среде, пытавшейся так или иначе поставить или нарисовать поэму Александра Блока «Балаганчик». На этот культурный слой указывает сам Чехов, когда пишет образ гувернантки Шарлотты: «Когда я была маленькой девочкой, то мой отец и мамаша ездили по ярмаркам и давали представления, а я прыгала сальто-мортале и разные штучки», — так что гувернантка-клоунесса, и мы с вами удивленно видим, что на сцене театра «Буратино появляются сразу три Шарлотты в костюмах клоунесс — да еще с маленькими куклами-клоунами на пальчиках, чтобы господ веселить. Да и как не веселить господ, когда мир покачнулся и вот-вот обрушится. И сам театр «Буратино», сыграв нам печальную комедию Чехова, в конце спектакля заявит с улыбкой: «Господа, это была только шутка.»

4. Спектакль «Вишневый сад» идет в колыбельном лоне эсхатологии. Чего раньше быть не могло ввиду тотального атеизма в нашей стране.

Быстренько объясняю: эсхатология — религиозное учение о конечных судьбах мира и человека. Различают индивидуальную эсхатологию и всемирную. Учение о загробной жизни единичной человеческой души, а также учение о цели космоса, истории и их конце. Вот так. Внутри этого учения есть раздел, трактующий астральный мир. К нему-то мы, живые, ближе всего. Мало того, что мы его наполняем своей духовностью или бездуховностью, так он битком набит духом тех, кто не прорвался в другие, более высокие миры. Так вот театр «Буратино» и решил изобразить на сцене музей, где под стеклянным колпаком стоит остаток дома, остаток дворянского гнезда. В нем-то в виде материализованных духов и появляются чеховские персонажи, как бы на цыпочках, невесомо и замедленно двигаясь, и замедленно говоря, удивляясь самим себе, играют нам историю про некогда цветущий, а затем проданный и перерубленный на участки вишневый сад. Во времена Чехова российские столичные и пристоличные города были битком набиты гениальными людьми — учеными, художниками, философами, композиторами. Все это образовывало гигантское духовное чувствилище, предощущавшее крушение России. Духовные стихии вышли из повиновения и то и дело объединялись, образуя смерч, в который всасывалось множество человеческих судеб, оторвавшихся от надежного тела культуры мирной жизни. То же самое происходит в духовной жизни и сегодня в этом злободневном спектакле. Смерчеобразные духовные стихии Даниил Андреев, например, называл «стихиалиями»: «Среди инозначных слоев есть один — обиталище могучих темных стихиалий... Они вампирически завлекают человеческие сердца в вихреобразные воронки жажды, которую нельзя утолить ничем в нашем мире.» Эти-то стихиалии и присутствуют в спектакле театра, увлекая персонажей и зачаровывая их то одной, то другой безумной идеей, которая кажется спасительной, а на деле — иллюзия и больше ничего. Такую сложную роль воспитанницы всех стихиалий жестко и стремительно играет актриса Людмила Давыдова. О ее работе можно сказать словами Михаила Булгакова: «От горя я стала ведьмой». («Мастер и Маргарита»). Стихиалиями очарован вечный студент Петя Трофимов (актер Сергей Миледин), утверждающий, что будущее будет выше любви... Теперь уже все знают, что слово результативно. Видимо, поэтому ветры стихий ударяют по обитателям вишневого сада всякий раз, когда они увлекаются идеями, выброшенными на улицу. Перед разгулявшимися духовными стихиями бессильны люди культуры: «Я развитой человек, читаю разные замечательные книги, но никак не могу понять направление, чего мне, собственно, хочется: жить или застрелиться?» — говорит Епиходов (артист А. Алексеев) и тем ставит диагноз маленькому человеку, оставшемуся наедине со Вселенной без поддержки основ общего человеческого бытия. Поэтому вишневый сад покупает бывший крепостной, диким гением стихий поднятый из тьмы: «Мой папаша был мужик, идиот, ничего не понимал, меня не учил, а только бил спьяну, и все палкой. В сущности я — такой же болван-идиот. Ничему не обучался. Почерк у меня скверный, пишу я так, что от людей совестно... Как свинья...» — говорит сам о себе новый владелец вишневого сада Ермолай Алексеевич Лопахин. Эту знаменитую фигуру, этого «Грядущего хама» ярко и убедительно играет артист Александр Анкудинов. В его пластике, гриме, костюмах угадывается все — от фашизма до гомосексуализма, все, что выпустил на свободу балаган двадцатого века: ибо на земле кончился авторитет религий. Дикий гений Лопахина мощно расцветает «золотым тельцом» и неминуемо должен будет рухнуть, — такова основная мысль спектакля в театре, где каждый день теперь звенит пустыми бутылками спившийся очередной владелец вишневого сада. «Вся Россия — вишневый сад», — доносятся до нас через сто лет прощальные слова русского писателя Антона Павловича Чехова.

Спектакль получился яркий, сатирический, полифонический. Его создали режиссер-постановщик, он же сценограф Игорь Ларин (Санкт-Петербург), композитор Сергей Сушко, художник Эльдар Валиахметов, все актеры театра и спонсоры: южноуральский банк «Резерв», магнитогорский филиал банка «Межрегиональный».

Римма ДЫШАЛЕНКОВА

Пророки и поэты провинции

Все мы пророки и поэты своей судьбы.

— Интересно, что бы делали столицы, если бы не было тихих ни на что не претендующих провинций?

— Провинция молчит, а столица говорит.

— Претендовать — это некрасиво...

— Не претендовать — тоже некрасиво.

— Провинция с Богом беседует...

— Провинция делает открытия — столица их присваивает.

Такая перекличка теперь идет в клубе городской интеллигенции «Чистый четверг».

Уже третий «Чистый четверг» состоялся в помещении Магнитогорской картинной галереи. Вообще-то говоря, клуб создан по призыву Леонида Владимировича Турусова, помощника депутата Федерального Собрания Анатолия Ильича Старикова.

— Наш дом все-таки Магнитка, давайте вместе ухаживать за своим домом, — призвал он к неким общим ценностям, которые могут объединить разрознившихся в спорах людей.

Красиво и тихо в залах картинной галереи. Одно заседание клуба прошло в обществе старинных икон. Мы вообще чувствовали себя, как в сказочном замке, в пространстве сна, где нет времени.

А 16 ноября собрание прошло в интерьере осенней выставки магнитогорских художников.

В программе житейских и философских бесед было три темы: в память о Нине Георгиевне Кондратковской, поэтессе и педагоге, первостроителе Магнитки; беседа о Григории Ивановиче Носове, в связи с 90-летием со дня рождения «военного директора Магнитки»; и астрологическое сообщение Аллы Ивановны Корчак о влиянии на Землю планеты Плутон, которая приближается к Земле один раз в двести лет.

Разрастается авторитет литературного творчества Нины Георгиевны Кондратковской. Филологи Челябинского государственного университета высоко ценят ее сказы, опубликованные в свое время в сборнике «Сердце-озеро». Они находят в них редкую миссию поэта, продолжающую традиции познания Урала, заложенные Павлом Петровичем Бажовым и Серафимой Власовой.

В работе клуба приняли участие дети Нины Георгиевны, известные журналисты Татьяна Сержантова и Юрий Балабанов. Татьяна рассказывала о том, как Нина Георгиевна весело и непринужденно без особого мистического транса врачевала людей, помогала тем, кто искал встреч с ней, найти путь к высшему смыслу жизни.

В память о Нине Георгиевне состоялось поэтическое чтение.

В беседе, посвященной 90-летию Г. И. Носова, городская интеллигенция встретилась с внуком прославленного директора, «Стального короля России», — Сергеем Константиновичем Носовым.

Сергей Константинович вырос на рассказах о своем деде. Избрал металлургию для себя, как науку и жизненную практику. Он наследует деда в том смысле, что как специалист-металлург назначен директором металлургического комплекса АО ММК, то есть собственно металлургического завода, в 34 года, так же, как и Григорий Иванович Носов.

— Как ни странно, а друзья приписывают Григорию Ивановичу пророческую фразу, — сказал Сергей Константинович, — будто бы сразу после войны, разглядывая генеральный план правобережной части города, составленный ленинградской группой архитекторов, он сказал: «Красивый будет город, но знаете чего здесь не хватает? Храмов...» На мой взгляд, это вполне могло быть. Ведь из истории известно, что под давлением христианского мира и военных обстоятельств в январе 1943 года И. В. Сталин принял решение срочно открыть храмы, дотоле закрытые и разоренные. Это было широкое общественное движение, о котором многие забыли по окончании войны в хлопотах по восстановлению народного хозяйства.

По окончании встречи С. К. Носову задали вопрос: «Интеллигенты города пребывают в растерянности: наш дом — Магнитка, а Магнитка предлагает шесть кандидатов в Государственную Думу. Мы верим в Ваше сыновнее отношение к городу. За кого будете голосовать лично Вы?»

С. К. Носов сказал: «Судьба города в крайнем случае всегда зависела от комбината. Я связал свою судьбу с комбинатом. Считаю, что металлурги принимают отцовское решение. В критические минуты отца надо слушаться! Я — человек корпоративный, буду голосовать за того, кого выдвигает коллектив металлургов, — за Динуса Нуримановича Сафиуллина...»

Беседы с внуком Г. И. Носова продолжались еще и в кулуарах клуба, их содержание мне неизвестно.

Так, поднимаясь по ступенькам духовных ценностей, общих для всех участников «Чистого четверга», мы добрались до самых звезд.

Сообщение Аллы Ивановны Корчак было и злободневным, и пророческим. Ее увлечение астрологией многим давно известно. Ее сообщение мы опубликуем в одном из ближайших номеров «Магнитогорского металла». В общих чертах Алла Ивановна сообщила следующее: мы с вами живем в Водолейскую эпоху. Водолей требует себе свободы. Нельзя втискивать весь человеческий опыт, все открытия и прозрения в рамки одного учения или религиозной конфессии. Знание дорого стоит, нельзя от него отмахиваться только потому, что оно открыто атеистом, иудеем, мусульманином или неортодоксальным христианином.

По крайней мере авестийская модель астрологии предупреждает, что с 21 ноября — дня Абсолюта — по февраль нам предстоит духовная чистка. Дальняя планета Плутон, приближаясь к земле, на фоне созвездия Стрельца будет расчищать духовные дороги, затоптанные нами за прошедшие двести лет. Желающие очиститься — и очистятся.

Итак, каждый третий четверг в магнитогорской картинной галерее собираются для духовных бдений и отдыха «пророки и поэты провинции»...